

УДК 726.71+82

ББК 85.113(2)

Башкирова Мария Андреевна

Аспирант кафедры истории отечественного искусства, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1
ORCID ID: 0000-0002-3634-0491
ResearcherID: HLQ-7227-2023
Mariyamasha@yandex.ru

Ключевые слова: Спасо-Вифанский монастырь, русская архитектура XVIII века, Вифания, Фавор, митрополит Платон (Левшин), образец, сакральная топография

Башкирова Мария Андреевна

«Проповедующая» архитектура: Спасо-Вифанская обитель митрополита Платона

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2023-2-324-353

Для цит.: Башкирова М.А. «Проповедующая» архитектура: Спасо-Вифанская обитель митрополита Платона // Художественная культура. 2023. № 2. С. 324–353. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-2-324-353>.

For cit.: Bashkirova M.A. "Preaching" Architecture: the Saviour of Bethany Monastery of Metropolitan Platon (Levshin). *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2023, no. 2, pp. 324–353. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-2-324-353>. (In Russian)

Bashkirova Mariya A.

PhD Student, Department of Russian Art History, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3634-0491
ResearcherID: HLQ-7227-2023
Mariyamasha@yandex.ru

Keywords: the Saviour of Bethany Monastery, Russian architecture of the 18th century, Bethany, mount Tabor, Metropolitan Platon (Levshin), venerated prototype, sacred topography

Bashkirova Mariya A.

"Preaching" Architecture: the Saviour of Bethany Monastery of Metropolitan Platon (Levshin)

Аннотация. Спасо-Вифанский монастырь был основан митрополитом Платоном Левшиным вблизи Троице-Сергиевой лавры в 1783 году. Преображенский собор Вифании получил уникальное архитектурное решение алтаря в виде грота, который по замыслу основателя должен был изображать евангельский Фавор. Претерпев ряд разрушительных перестроек XIX века, обитель прекратила существование в начале 1930-х годов. Впоследствии этот самобытный памятник оказался исключен из парадигмы изучения русской архитектуры XVIII века.

В статье исследуется сложение и развитие идейной программы Вифании через литературное наследие митрополита Платона. Корпус письменных источников, непосредственно касающихся истории строительства монастыря, в целом невелик. Тем ценнее тексты самого основателя, хотя они и принадлежат преимущественно жанру проповеди, который не предполагает специальной меморативной функции. Также в качестве возможного подхода к проблеме статья предлагает рассмотрение тех пастырских речей Платона, что были произнесены в Вифанском соборе, как произведений, составлявших ансамбль с его архитектурой.

Проанализированы пять речей митрополита Платона, фиксирующих его богословскую трактовку евангельских сюжетов, которым посвящены алтари собора и сама обитель: воскрешение Лазаря и дом в Вифании, Преображения Христа и гора Фавор. Также рассмотрены «Автобиография» митрополита Платона и некоторые тексты его современников. Вместе они позволили, во-первых, прояснить предпосылки сложения замысла подмосковной Вифании и вместе с тем выявить в нем особый рефлексивный уровень. Во-вторых, «задать» принципиально иные вопросы проповедям, которые ранее представлялись только разновидностью письменных источников, и показать их связь с храмовой архитектурой как своего рода синтез искусств.

Abstract. The Saviour of Bethany Monastery was founded by Metropolitan Platon (Levshin) near the Trinity Lavra of St. Sergius in 1783. The Transfiguration Cathedral of Bethany had an extraordinary altar in the shape of a grotto, which, according to the founder's plan, was supposed to represent the evangelical Tabor. After a series of harmful reconstructions in the 19th century, in the 1930s, the monastery ceased to exist. Thereafter this unique building was excluded from the paradigm of studying the history of the 18th century Russian architecture.

The article examines a set of ideas behind Metropolitan Platon's intention as reflected in his writings. There is not enough material on the construction of the monastery; consequently, the texts of the founder himself are particularly valuable, even though they mostly belong to the genre of sermon that does not imply a commemorative function. Also, as a possible approach to the problem, the article suggests considering the pastoral speeches of Platon that were delivered in the Bethany Cathedral as works that formed an ensemble with its architecture.

Five speeches of Metropolitan Platon have been analysed, fixing his theological interpretation of the gospel stories, which the altars of the cathedral and the monastery itself are dedicated to: the Resurrection of Lazarus and his house in Bethany, the Transfiguration of Christ, and the mount Tabor. "Autobiography" by Platon and some writings by his contemporaries have also been investigated. All these sources have allowed to, firstly, clarify the precondition for Platon's design of the Bethany monastery and highlight its particular reflexive level; and secondly, to put fundamentally different questions to sermons, which were previously considered only as a kind of written sources, and to show their connection with temple architecture as synthesis of arts.

Введение

Подмосковная Вифания была основана митрополитом Платоном Левшиним в 1783 году в качестве личной резиденции, а также будущей усыпальницы. При жизни Платона она стала важным интеллектуальным центром Москвы последней трети XVIII века и своего рода достопримечательностью: Вифанию посещали И.В. Лопухин, И.М. Долгоруков, будущий государственный деятель Ф.П. Лубяновский [8, с. 456]. Обитель упомянута в путевых записках Ф. де Миранды [9, с. 190] и письмах М. Уилмот [28, р. 401], а ее изображение было включено в пейзажную серию Ж. Делабарта 1798 года⁽¹⁾.

Некачественные ремонты XIX века исказили первоначальную идею Платона и повлияли на восприятие этого памятника. Несмотря на интерес к платоновской Вифании среди литераторов в 1830–1840-е годы [2], монастырский ансамбль остался на периферии магистральной линии истории русского искусства и архитектуры XVIII века. Исключением стал короткий период в середине 1920-х годов, ознаменовавшийся небольшой статьёй искусствоведа А.Н. Свирина в путеводителе Общества изучения русской усадьбы [22]⁽²⁾ и закончившийся вместе с разрушением Вифании в начале 1930-х годов.

С 2000-х годов наблюдается тенденция к изучению историками архитектуры действительно редких для русских храмов эпохи классицизма форм вифанского Спасо-Преображенского собора, а также лежащей в основе проекта уникальной идейной программы, разработанной для обители ее просвещенным основателем [20; 21; 24; 26; 27]. Однако необычное наречение монастыря в честь палестинской Вифании, символика «Фавора» и само по себе устройство подобной конструкции внутри православного храма представляются проявлениями единого замысла, по-прежнему требующими дальнейшего углубленного изучения.

В статье предпринята попытка, во-первых, проанализировать тексты — в первую очередь, проповеди — митрополита Платона и его круга как особого рода письменный источник, позволяющий лучше

понять ту специфическую культурную и религиозную атмосферу, в которой формировался замысел обители, и интенции заказчика этого самобытного архитектурного произведения. Во-вторых, обозначить новый подход к осмыслению платоновской Вифании как синтетического произведения религиозного искусства, образ которой создавался посредством архитектуры, литературы и священной топографии.

Программа обители в «Автобиографии» и проповедях митрополита Платона

Главной святыней обители являлся Спасо-Преображенский собор, в восточной части которого находилась имитация скалы. С точки зрения типологии архитектуры это сооружение являлось парковым гротом, но по замыслу митрополита Платона оно должно было воспроизводить образ библейского Фавора. Внутри этой конструкции находился нижний престол, освященный в 1785 году в память Воскрешения Лазаря. Позднее сюда был перенесен деревянный гроб преподобного Сергия Радонежского, а впоследствии устроено погребение самого Платона. Вершину вифанского «Фавора», примыкавшую к храму, венчала ротонда с главным Спасо-Преображенским алтарем, который был освящен год спустя, летом 1786 года.

Основные положения программы собственной обители и посвящения ее престолов митрополит Платон декларировал в одной из своих проповедей. Следует отметить, что произнесена она была спустя десятилетие после основания Вифании — в 1793 году [14]. Этот текст хорошо известен: он был проанализирован С.П. Шевыревым, первым предпринявшим попытку толкования вифанского «Фавора» и для этого обратившимся к сочинениям Платона как основателя обители. Шевырев цитирует отрывок из проповеди, в которой Платон раскрывает символику алтарей, в своей книге «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году», в главе, посвященной Лавре и Вифании [25, с. 16–17]. В дальнейшем этот фрагмент перешел в различные популярные описания обители и краеведческие очерки.

Сами по себе тезисы идейной программы, приведенные Платоном в этом тексте, мало проясняют предпосылки сложения всего замысла. Кроме того, подход к жанру проповеди исключительно как к исто-

(1) Ж. Делабарт. Вид Троице-Сергиевой лавры от Вифанского монастыря. 1798. Холст, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

(2) Емму предшествовал доклад «Вифания», сделанный на заседании ОИРУ [6, с. 23].

рическому источнику представляется не самым плодотворным. Он требует осторожности в интерпретации и критического сопоставления с архитектурой реального храма.

Особенность проповеди XVIII века как исторического источника заключается в том, что она хранит информацию о «частных решениях», принятых проповедником в той или иной ситуации, но едва ли может поведать о каких-либо «целостных и стабильных системах» [7, с. 254–255] — к примеру, таких, как программа архитектурного сооружения. Между тем есть все основания утверждать, что идейная программа Вифанского собора менялась в процессе строительства (что никак не отразилось в проповедях Платона). Так, историком Спасо-Вифанского монастыря К.А. Филимоновым было опубликовано самое раннее из известных его описаний, относящееся к 1785 году, в котором говорится, что верхний (еще не оконченный) алтарь посвящен празднику Входа Господа в Иерусалим [24, с. 47]. Шевырев, создавая свой нарратив о подмосковной Вифании и ее основателе, не учел десятилетие, разделяющее освящение собора и проповедь в память об этом событии, равно как и жанровую специфику использованного им источника.

Как будет показано ниже, Платон в полном соответствии с законами жанра активно манипулировал аллюзиями и цитатами, пересобирая их в новую богословскую композицию: так, произнося проповедь в 1803 году [15], он презентует пастве уже новую интерпретацию все того же «Фавора», находившегося внутри Вифанского собора.

В текстах митрополита Платона не содержится никаких эстетических суждений, как, к примеру, в хрестоматийном изложении аббатом Сугерием заказанного им собора [19, с. 131–133]. Они не могут пролить свет на стилистические особенности этой архитектуры, равно как и на личные вкусовые пристрастия Платона, а главное — степень вовлеченности заказчика в работу над проектом. Кроме того, и проповеди, и собственное жизнеописание митрополита Платона являются самостоятельными произведениями, созданными уже после окончания строительства упомянутого в них собора. Они были рассчитаны на то, чтобы повлиять на представления аудитории и создать определенный образ автора и выстроенного им храма. Возможно, отношение архитектуры и литературы в данном случае следует воспринимать как инверсивное. Эти тексты, скорее всего, фиксировали

Внутр. видъ Спасо-Преобр. храма и Фаворская гора.

Ил. 1. Внутренность Вифанской церкви: гора Фавор. Альбом «Виды Свято-Троицкой Сергиевой лавры и окрестных монастырей». Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1913

итоги многолетних размышлений Платона над идеями, которые были когда-то положены в основание замысла собственной обители, и таким образом сами несли печать влияния архитектуры собора.

В этом случае открывается иной аспект проблемы сопоставления проповеди ктитора и архитектурного воплощения его собора: путь рассмотрения двух этих самостоятельных произведений богословской мысли иерарха как взаимодополняющих частей одного ансамбля. Практически буквальное взаимопроникновение слова и архитектурного решения храмового интерьера, осуществленное Платоном в Вифании, представляется частью своеобразной «режиссуры», которую он ввел в свою проповедническую практику. То же единство архитектуры, пастырского слова и отсылок к священной топографии пронизывает обитель в целом, создавая образ идеального христианского пристанища.

Всего существует три текста, написанных митрополитом Платоном, в которых упоминается Вифания и Спасо-Преображенский собор: краткая история основания обители, содержащаяся в «Автобиографии» [10, с. 14, 47–48], и две проповеди, произнесенные в престольный праздник вифанского собора — та, что была процитирована С.П. Шевыревым и впоследствии растиражирована, относится к 1793 году [14], а вторая, менее известная — к 1803 году [15].

В первой из них митрополит Платон непосредственно комментирует архитектурное решение алтарной части выстроенного им храма, раскрывая взаимосвязь двух посвящений. Более поздняя проповедь, сказанная в двадцатую годовщину основания обители, интересна тем, что в ней проводятся новые параллели между Священным Писанием и реальной архитектурой вифанского собора, дополняющие тезисы идейной программы, изложенные Платоном десятью годами ранее.

«Автобиография» митрополита Платона — первое произведение, к которому обращаются в связи с историей Вифании, хотя оно содержит довольно скудные сведения. Это сочинение было написано митрополитом не ранее 1799 года, и многие важные обстоятельства своей жизни он либо передает намеками, либо вовсе не упоминает. Тем не менее вместе с текстами проповедей «Автобиография» помогает лучше понять как предпосылки сложения замысла новой обители, так и тот богословский пафос, который был свойственен Платону.

Вифанский монастырь начинался как особое кладбище, предназначенное только для братии Троице-Сергиевой лавры: «...положил там устроить кладбище для лаврских монашествующих, кои в лавре погребались, а указами в знаменитых местах было погребать воспрещено» [10, с. 48]. Вместе с основанием обители в 1783 году Платон запретил лаврскому Собору хоронить насельников вне Вифании. Предназначение же Вифании стать новой митрополичьей резиденцией в это время еще не было артикулировано в хозяйственных документах [3, с. 9]. Хотя в действительности кладбище являлось только предлогом, оправдывающим желание иерарха устроить собственную «пустынь» — об этом он прямо пишет в «Автобиографии» [10, с. 48].

Очевидно, что замысел подмосковной Вифании являлся аллюзией на основание таких почитаемых древнерусских святынь, как Киево-Печерская и Псково-Печерская лавра. Оба монастыря выросли на месте «пустыни», в которую удалялись монахи-отшельники. Устроенные ими подземные кельи становились местом погребения, и подобно древним святым митрополит Платон приготовил себе будущую усыпальницу в одном из приделов внутри вифанского «Фавора», который имитировал крипту.

Прототипом подмосковной Вифании могла послужить и так называемая Гефсимания, заложенная в 1755 году в Горицком монастыре в Переславле-Залесском епископом Амвросием Зертис-Каменским, который предпринял попытку символически воспроизвести одно из мест Евангельской истории и образ Гроба Господня в православной обители. Действительно масштабный замысел Амвросия остался незавершенным, но его пример вполне мог вдохновить Платона как преемника (и соперника) Амвросия [10, с. 16] на обращение к теме сакральной топографии.

В «Автобиографии» митрополит представляет основание Вифании как вынужденное, но добровольное удаление от дел епархии. Еще будучи архиепископом, он несколько раз подавал прошения императрице об увольнении его от дел Синода, и наконец в 1785 году перепоручил большинство дел Московской епархии своим заместителям [10, с. 46–48]. Это событие получает любопытную и максимально комплиментарную богословскую трактовку в панегирике, адресованном Платону архимандритом Аполлесом, который провозгласил его предстоятелем Русской Церкви, объединившем в себе сразу два

противоположенных типа святости: Святителя Алексея, как образца церковного и государственного деятеля, и преподобного Сергия Радонежского, отшельника и основателя монастырей [1, с. 4].

Платон пишет, что «к уединению любовь сохранил он во всю жизнь» — и тут же раскрывает свое понимание уединения (весьма далекое от иноческого идеала): «...был крайний уединения любитель, чтобы находиться только у себя дома или с малым числом близких приятелей и друзей обходиться, с коими бы не иначе мог разговаривать, как сам с собою, без всякого принуждения, со всею откровенностью. <...> Каковая к уединению склонность его побудила и пустыню Вифанию устроить и там поселиться» [10, с. 14]. Далее он откровенно и однозначно излагает предысторию того, как его новая резиденция оказалась соединена с кладбищем лаврской братии: последнее было устроено как предлог («чтобы строение сие не перетолковано было от зложелателей и не остановлено» [10, с. 48]) начала строительства собственной уединенной обители — давно желанной, судя по тому, что первое упоминание Вифании в «Автобиографии» относится еще к периоду обучения в Славяно-греко-латинской академии [10, с. 14].

В повествовании Платона присутствует некоторое противоречие — кладбище, явившееся, по его словам, побочным результатом обители, влияет на ее наречение: «...по причине погребаемых братий в надежду воскресения, по примеру Лазаря воскресшего, наименовал оную Вифаниею и устроил нижний храм во имя четверодневного Лазаря» [10, с. 48]. Между тем о верхнем, главном, алтаре, чье посвящение дало наименование всему собору и отразилось в будущем названии Спасо-Вифанского монастыря, в этом сочинении не говорится вовсе. И, как видно, первоначально главным в замысле Вифании было причудливое переплетение христианской добродетели «памяти смертной» со специфическим идеалом уединения в понимании митрополита Платона.

В «Автобиографии» обстоятельства основания Вифании изложены следующим образом: Платон пишет про «многия затруднения, досады... и добрых его намерений и дел в худую сторону толкования» [10, с. 48], которые и стали причиной его решения уединиться в собственной «пустыни» в Корбухе — месте, любимом Платоном еще в молодости, в бытность его учителем Троицкой семинарии («Особливо Платону нравилось, что все в Лавре находил готовое, яко то всегда довольный стол, и напитки, и выезд, и нимало о том не забо-

тился. Должность была для него не затруднительна; всеми любим, с учителями друг, ни в чем не оскуден, здоров и весел, и летом весьма часто, со властями и со учителями, посещали превеселое и милое загородное место, называемое Корбуха, где и баня летняя была. Там прогуливался Платон с товарищами по садам и лесам; плавал по прудам, пристойными играми веселились, и в дружеских, не редко ученых, разговорах, не чувствительно время проходило» [10, с. 23]).

Этот комментарий задает определенный вектор понимания замысла в целом. Видимо, в выборе Платона палестинской Вифании в качестве прообраза собственной обители был не только богословский, но и особый семантический уровень, сродни риторическому пафосу проповедей, произносимых им с амвона, а именно некий смысловой нюанс, сопряженный с его собственной биографией.

Дело в том, что в каждой книге Четвероевангелия Вифания оказывается символически противопоставленной Святому Граду как месту гонений Христа книжниками и фарисеями и будущих Страстей. Христос входит в Иерусалим, где изгоняет торгующих из Храма, после чего удаляется с учениками в Вифанию, где живет Лазарь, названный в Евангелии «другом» Христа; по возвращении обличает искушающих его в Храме первосвященников и старейшин (Мф. 21, Мк. 11, Лк. 19: 29–38). О воскресении жителя Вифании Лазаря Христом повествует только евангелист Иоанн (Ин. 11), раскрывая дом Лазаря и его сестер как место земного пристанища Христа (Ин. 11: 1–5). Согласно евангельским текстам, пещера с гробом Лазаря находилась не в самой Вифании, а в некотором удалении от селения. Но очевидно, что, устраивая собственную обитель с новым братским кладбищем, митрополит Платон руководствовался не исторической топографией окрестностей Иерусалима.

Возможно, Платон ассоциировал недовольство клира, с которым он сталкивался внутри своей епархии и о котором вскользь упомянул в своих воспоминаниях, с евангельскими историями об искушениях от фарисеев и книжников, а себя — с Христом, удалявшимся из враждебного Иерусалима в Вифанию.

Подобная интерпретация может показаться мнимой, однако примеры евангельских аллюзий, содержащихся в других сочинениях митрополита Платона (и в частности, одного текста, непосредственно касающегося палестинской Вифании, который будет проанализирован

Илл. 2. Свинын П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свинына. Ч. 1. СПб.: изд. И. Делакроа, тип. Н. Греча, 1839. С. 105. Гравюра напечатана издательством «Библиографический институт» И. Мейера по рисунку П.П. Свинына «Храм Платонов в Вифании». Ок. 1838

ниже), показывают, что он достаточно часто обращался к евангельским примерам, рассуждая о вещах вполне мирских, и проводил параллели, весьма опосредованно связанные со Священным Писанием. Порой трактовки Платона становились откровенно буквалистскими.

Так, осмысление Вифании как особого места в топографии Святой Земли, удостоившегося принять Спасителя как друга, очевидно занимало митрополита в период строительства собственной подмосковной резиденции, о чем свидетельствует проповедь, произнесенная им на освящение в 1785 году Петровской церкви в усадьбе Петровское-Алабино, принадлежавшей Н.А. Демидову [13]. Несмотря на то что главный престол в этой церкви был посвящен Святителю Петру Митрополиту, Платон в своей проповеди обратился к иному, евангельскому сюжету, а именно — гостеприимству сестер Лазаря, Марфы и Марии. То есть к теме дома в Вифании: «Странствует Го-

сподь и ныне и всегда невидимо по сей юдоли земной, ища места ко успокоению Своему; или паче, да подаст покой и благословение принимающим Его... Се днесь мы недостойнии удостоились сего великаго счастья, что Господа своего приняли в дом свой; или паче в дом Его, яко по усердию любящих Его, имяни Его посвященный. Прииди, Господи! посети место сие, и избери его в жилище Себе: не возгнушался Ты посетить дом Марфы Тебя любящая: прими и сие с таковым же усердием приносимое Тебе обиталище: исполни славы Твоя великолепный храм сей» [13, с. 344].

Топос «Вифания — место покоя» — впоследствии присутствовал в обители и в виде надписей: так, в обстоятельном описании Спасо-Вифанского монастыря, опубликованном в «Энциклопедическом лексиконе» в 1837 году Н.И. Надеждиным, приведено «наивное четверостишие» времен Платона, помещенное им на воротах обители [17, с. 518]:

В Вифанию Христос пришел
и водворился тут:
О если б он и здесь покой нашел!
Не тщетны были б кошт и труд.

Как видно, Платон толковал евангельскую Вифанию идеальным пристанищем «ко упокоению». Наречение личной загородной резиденции в память Вифании следует понимать как метафору земного покоя, предваряющего покой вечный, что вполне отражает назначение обители. Действительно, «пустынь» митрополита Платона имела мало общего с пустынножительством древних подвижников и позднее все более походила на воплощение сентименталистской идеи «естественной жизни», и первый исследователь платоновской Вифании А.Н. Свирин справедливо рассматривал ее как своеобразный аналог светского эрмитажа [22, с. 75]. Отметим, что трактовка этого локуса в проповеди 1783 года не отличается от ретроспективы, приведенной Платоном почти двадцать лет спустя, в «Автобиографии» конца 1790-х годов: Вифания в текстах митрополита неизменно предстает идеалом земного покоя.

Следующее сочинение Платона, важное для понимания идейной программы вифанского собора, относится к 1793 году. Это то самое

многократно цитированное «Слово на день Преображения Господня» [14], в котором был сделан пространный комментарий к возведенному собору: «Храм сей посвящен святейшему имени Преобразившегося Господа, а сущий под ним храм посвящен Тому же Господу, воскресившему Лазаря из мертвых. Один храм к другому имеет близкое отношение. Ибо между Воскресением и Преображением есть союз таинственный. Не говорю я о Воскресении и Преображении Христовом, но о воскресении и преобразении нашем. Ибо Христос и воскрес для нашего воскресения, и преобразился для преобразования нашего... Выходя из нижнего сего храма, восходим на сей верхний. Так, выходя из гроба воскресением, восходим мы в храм славы, преобразуясь из тления в нетление. Не можно удостоиться преобразования, доколе не удостоимся воскресения» [14, с. 298–299].

Здесь Платон допускает очевидное нарушение хронологии в изложении евангельских событий: согласно Евангелию, Спаситель преобразился перед учениками задолго до Крестной смерти и Воскресения. Логичность именно такого построения, возможно, станет яснее, если обратиться к традиционному толкованию праздника Преображения Господня, которое осмысливается как Теофания, то есть явление Христа и Его Небесного Царства в Славе (Мк. 9:1). Так, святой Филарет Дроздов, воспитанник митрополита, в одном из писем недвусмысленно дает именно такую богословскую трактовку: «Еще спрашиваете, что значит: не имут вкусить смерти, дондеже видят Царствие Божией пришедшее в силе? Читайте слова, непосредственно за сим следующие, в девятой главе Евангелия от Марка, и Вы найдете истолкование. Именно тут описывается преобразование Спасителя, в котором трое из апостолов видели Его в такой славе, в какой Он являться будет блаженным в Царствии Божией и какой они сами причастны будут... Так, трое из апостолов прежде смерти своей видели Царствие Божие, пришедшее в силе» [16, с. 29].

Если Преображение было явлением на земле Небесного Царства, следовательно, в храме, посвященном Преображению, будет уместным представить его образ, который и символизировала устроенная в восточной части собора имитация горы, увенчанная ротондой. Таким образом, и сооружение в алтаре имитации Фавора с алтарем в честь Воскрешения Лазаря и гробницей основателя, и устроенное в Вифании кладбище лаврской братии должны были раскрывать тему

ожидания будущего Воскресения. Однако риторика Преображения не сразу вошла в идейную программу Вифании.

В уже упоминавшейся статье К.А. Филимонова [24] приведены убедительные доказательства того, что еще в 1785 году система посвящений обители находилась в процессе становления: Платон уже нарек свою пустынь «Вифанией», а в посвящениях алтарей следовал логике Евангельской истории, согласно которой за Воскрешением Лазаря следует Вход в Иерусалим. В церковном календаре поминовение этих событий происходит в Страстную седмицу, поэтому меняя в 1785 или 1786 году посвящение верхнего алтаря, Платон отказывается от темы Крестного пути Спасителя в пользу более торжественной и «мажорной» темы. Ротонда на вершине «горы» должна была ассоциироваться отныне не с Иерусалимом, «побивающим пророков» (Мф. 23:37), но с «сенью», о которой говорил апостол (Мф. 17:4). Думается, исследователь совершенно справедливо указывает на то, что ошибка составителя в данном случае маловероятна [24, с. 47] и еще в 1785 году программа обители действительно строилась только вокруг Вифании. Сам Платон явно обходит молчанием замысел устройства алтаря на вершине «Фавора»: в «Автобиографии» он упоминает лишь свое решение относительно посвящения нижнего Лазаревского алтаря и его связь с наречением всей обители целиком [10, с. 48]⁽³⁾.

Стоит отметить, что радикальное изменение в идейной программе около 1785–1786 годов больше соответствовало архитектурному решению Вифанского собора, в котором нижнему затемненному уровню было противопоставлено наполненное светом и воздухом верхнее пространство с открытыми хорами и позолоченной ротондой. Прежнее — топографически более адекватное Евангельскому тексту — посвящение сближало собор с латинскими кальвариями и Sacri Monti эпохи барокко, не предполагавшими каких-либо риторических подмен и нетривиальных сопоставлений евангельских сюжетов. Введение же в первоначально стройную идейную программу

(3) Историк церкви С.К. Смирнов, работавший с архивами Вифании в середине XIX века, в своем исследовании пишет, что нижний Лазаревский алтарь был освящен 6 августа 1785 года [23, с. 5] — то есть в день Преображения Господня. Была ли им допущена ошибка, или же митрополит Платон сознательно мистифицировал освящение собора, сказать трудно, но это расхождение заслуживает внимания, учитывая свидетельства изменения идейной программы как раз в этот период.

собора образа палестинского Фавора как места Преображения Христа посреди строительства открыло путь для новых манипуляций с христианской топикой, к которым, как будет показано ниже, и прибегали вифанские проповедники.

Таким образом, проповедь 1793 года фиксирует идейную программу в ее «редакции» около 1785/1786 годов, остававшуюся актуальной для митрополита Платона по крайней мере еще десятилетие. Однако богословие «союза таинственного» [14, с. 298–299] не то чтобы стало отрицаться им позднее, но уступило место новой проповеднической риторике.

Так, следующая проповедь в честь двадцатой годовщины основания обители, произнесенная Платоном в 1803 году в Вифанском соборе, интересна тем, что в ней митрополит рассуждает о Новом и Ветхом Завете через евангельскую топографию, а в качестве универсальной метафоры использует образ «святой горы», сравнивая между собой Фавор и Сион [15]. Богословские выкладки Платона в этом тексте построены на символических совмещениях сразу нескольких святынь — горы Фавор и Сион, а также образа «горы Господней» в «Псалтири» — через их формальную общность и напоминают схоластический жанр суммы: «Всякая гора на каждом месте во Вселенной есть единого и того же естества и свойства, как Фавор и Синай» [15, с. 63]. В завершении «Слова» митрополит Платон цитирует 14-й Псалом: «Кто взыдет на гору Господню? Или кто встанет на месте святом Его?..» — подводя итог размышлениям над образом «святой горы» как места богообщения, символа праведности и самого Рая.

Этот текст 1803 года демонстрирует непрекращающуюся эволюцию идейной программы и приращение ее богословских смыслов. В заключении своей проповеди митрополит Платон говорит: «...мы теперь мнимся стоять на горе, которая есть малейшее и весьма недостаточное изображение горы Фаворския, но Богу все едино — в великом и малом творить чудеса» [15, с. 68–69]. Очевидно, вифанский «Фавор» со временем «вырос» из изложенных в проповеди 1793 года тезисов и получил иное толкование: теперь Платон раскрывает это сооружение как зримый и осязаемый образ «горы дома Господня» (Мих. 4:1), буквально представляющий чисто символический ландшафт из Библии в интерьере собора. Богословское внимание Платона смещается с темы

ожидания воскресения, оппозиции бренной земной жизни и жизни вечной, на осмысление священства и собственного служения.

Эти же слова — «мы теперь мнимся стоять на горе» — показывают единство целеполагания написанной митрополитом проповеди и заказанного им ранее храмового интерьера. Дело в том, что амвон в вифанском соборе, судя по всему, располагался непосредственно на вершине «Фавора»: если судить по дореволюционным фотографиям интерьера храма, входы и галереи, ведущие к верхнему алтарю, действительно переходили в небольшую площадку перед ротондой⁽⁴⁾. Но и в том случае, если амвон находился перед «Фавором», в центре наоса, проповедь священника, произнесенная в этом интерьере, должна была производить особый эффект на воображение прихожан при упоминании палестинских святынь.

Алтарь храма становился своеобразной пластической иконой сакральной топографии, являющей пастве содержание проповеди. А торжественное восхождение клира к верхнему Преображенскому престолу по ступеням, устроенным прямо на склоне «Фавора», во время каждой литургии в Вифанском соборе раскрывалось как своеобразная перформативная иллюстрация пресловутого «союза таинственного», о котором говорится в проповеди 1793 года [14, с. 298–299].

Речь проповедника и имитация скалы в алтарной части собора дополняли друг друга, образуя единое целое, очевидно претендующее на то, чтобы целиком завладеть чувствами собравшихся в храме. И.Е. Путьтин обращает внимание на то, что подобный архитектурный замысел осуществляется в эпоху «говорящей архитектуры», и определяет его как «повествовательный» [21, с. 161]. Продолжая проведенную параллель, можно охарактеризовать интерьер храма как «проповедующий».

Митрополиту Платону подражали другие проповедники, поднимавшиеся на амвон Вифанского собора. Так, в речи «Таиниче Божий», произнесенной учителем риторики Спасо-Вифанской семинарии Никифором Платоновым при его посвящении в иеродиаконья и затем изданной в типографии Московского университета, автор обращается

(4) То, что «Фавор» был амвоном, не подвергал сомнению автор первого исторического исследования Спасо-Вифанского монастыря С.К. Смирнов [23, с. 5–6].

к Платону со словами: «Великий Иерарх! Се святая оная гора, к коей приближение стоит жизни нашей. *Всяк прикасаяся к горе сей, смертью умрет* [здесь и далее курсив автора]. Се престол, где слово Отчее! Се олтарь, на коем Божественный закалается в жертву Исаака. Ах! Страшно место сие! *Се дом Господен, и сия врата небесныя*. <...> Но Ты, Пастырю, восходящий на сию гору, подобно Моисею, и беседующий внутренно с Богом, Ты, умеря страх сей призыванием благоволения Божия, воззвал ныне меня, яко стоящего низу горы со трепетом, к сему святому и страшному месту, сослужиши Царю Царей» [18, с. 5]. Как видно, Платон всячески поощрял подобные риторические комментарии к интерьеру вифанского собора и среди своих учеников. Это дважды встречающееся упоминание восхождения священника на верх «Фавора» и подтверждает мысль о том, что у себя в Вифании Платон совместил в этой замысловатой конструкции функции как алтаря, так и проповеднической кафедры.

Приведенные выше тексты проповедей демонстрируют, насколько широки были границы применения библейских аллюзий в богословской школе митрополита Платона. Вкупе с его велеречивым, порой откровенно выпяренным стилем, эти сопоставления выглядят механическим соединением формально сходных понятий⁽⁵⁾. «Фавор» становится одновременно темой и предпосылкой для проповедей,

(5) Ряд примеров можно продолжить, приведя торжественную речь Платона (в то время еще архиепископа), обращенную к императрице Екатерине II, посетившей Троицкую семинарию в 1762 году, в которой он сравнивает «лицезрение» императрицы с новозаветным сюжетом сретения Марии и Елизаветы: «Когда Предтечева мать увидела в доме своем посещающую блаженную Деву, наичувствительнейшею радостию возбужденна будучи, возопила: откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне? Так и сие тесное и скудное училище, в сей блаженный час сподобившись, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, не токмо очами своими узреть, но и теснотою сих стен вместить, разсуждая и свою малость и особы посещающа ВЕЛИЧЕСТВО, как бы в восторге некотором говорит: ...Откуда мне сие, да прииде мати любезнаго отечества ко мне?» [11, с. 7].

Следует отметить, что риторическую параллель, проведенную Платоном между персоной Екатерины II и образом Богоматери, нельзя целиком приписать его личному проповедническому стилю. Ее корни следует искать в семинарской панегирической поэзии. Подобные аллюзии можно встретить и в светском искусстве: к примеру, на картине Г.К. Преннера, показанной на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» в 1912 году, художник изобразил себя за работой над портретом будущей императрицы в присутствии самой Екатерины Алексеевны с младенцем-наследником на руках, очевидно отсылая зрителя к иконографии святого Луки, пишущего образ Мадонны [4].

Ил 3. Вид внутренности церкви Спасо-Вифанского монастыря, построенной Митрополитом Московским Платоном. Лит. Троице-Сергиевой лавры, 1858. Раскрашенная литография. Российская государственная библиотека, Москва

произнесенных в вифанском соборе Платоном или его воспитанниками. Будучи созданы «на случай», они демонстрируют подвижность смыслов, свойственную жанру в целом [7, с. 248], и очевидно должны рассматриваться во взаимодействии с архитектурой. Таким образом, в наследии Платона-проповедника можно выделить особую группу текстов, содержащих толкования «Фавора», которые, однако, не способны по природе своей пролить свет на предысторию сложения замысла этого уникального сооружения.

Что касается генезиса замысла Вифании, то помочь реконструировать ход творческой мысли иерарха могут хронологически близкие к основанию обители сочинения (т.е. относящиеся к началу 1780-х годов), сохранившие размышления Платона над евангельскими образами Вифании и горы Фавор до строительства на Корбухе.

К числу таких проповедей-источников можно отнести два текста. Первый из них — уже рассмотренный выше фрагмент проповеди 1785 года в Петровском, который сохранил редкий отпечаток отношения Платона к столь занимавшей его евангельской Вифании. Второй текст касается образа горы Фавор, и его трактовка весьма оригинальна и заслуживает пристального рассмотрения.

В корпусе сочинений митрополита Платона эта проповедь выделяется любопытным сопоставлением мирских реалий со Священным Писанием. Она была произнесена Платоном в Новоспасском монастыре в 1781 году на храмовый праздник Преображения [12]. Несмотря на то что этот текст предшествует времени основания Вифанской обители, он представляется действительно важным для понимания семантики устройства внутри Спасо-Преображенского собора грота, воспроизводящего образ евангельского Фавора, которое последовало два года спустя. В этой проповеди Платон дает не вполне обычную трактовку Преображения Христа на горе Фавор. В сущности, он говорит только о превратностях судьбы: «Когда случай или Божия судьба, яко на гору Фаворскую, вознесет тебя на верьх щастия: ты со Апостолы услаждаясь сим состоянием, не забывай с Моисеем и Илиею помышлять и разглагольствовать о могущей скоро тебя постигнуть перемене и превращении» [12, с. 193].

Подобный комментарий на событие Преображения можно было бы охарактеризовать скорее как житейский, нежели богословский. Вероятно, это одно из наиболее экстравагантных сопоставлений сакральных сюжетов с обыденными, принадлежащими повседневной жизни мирян вещами, которые можно встретить в речах митрополита Платона. Как видно, уже в начале 1780-х годов, незадолго до удаления в «пустыню», Платон сравнивает мистическое Преображение на горе Фавор с земным успехом — «случаем». Очевидно, это сопоставление обусловлено простым созвучием русских транскрипций древнееврейского топонима «Табор» и заимствованного из латинского языка слова «Фавор». Однако подобный риторический оборот, замечательно иллюстрирующий проповедническую манеру Платона, вновь наводит на мысль, не был ли «Фавор» Спасо-Преображенского собора для своего создателя в некоторой степени рефлексией на тему собственного возвышения?

Пребывание Платона на московской кафедре было отмечено активной административной деятельностью, полемикой и тяжбами — как с клиром, так и с государством в лице Екатерины II, а впоследствии и Павла I. Неурядицы чередовались с новыми вершинами в духовной карьере: вскоре после добровольного ухода в «пустыню» Платон удостоился сана митрополита (1787 год), с которым и вошел в историю русской Церкви. По крайней мере, в 1781 году Фавор осмыслялся им как «мемория» перипетий жизненного пути. Возможно, внося около 1785–1786 года изменение в программу обители, в результате которого символическая гробница Лазаря Четверодневного стала тем самым, известным впоследствии «Фавором», Платон по-прежнему подразумевал именно это толкование.

Интересно, что похожую игру смыслами слова «преображение» встречаем в письме многолетнего покровителя и собеседника митрополита Платона князя Г.А. Потемкина к Екатерине II: «Всемиловитейшая Государыня, где же инде как в стране, посвященной славе Вашей, быть городу из великолепных зданий? А потому я и предпринял проекты составить, достойные высокому сего града названию. Во-первых, представляется тут храм великолепный в подражание Святаго Павла, что вне Рима, посвященный Преображению Господню, в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями Вашими в обильный вертоград, и обиталище зверей — в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущим» [5, с. 209, № 747]. Здесь «преображение» означает не более чем качественное изменение, позитивную оценку, и вовсе теряет какую-либо связь с евангельским Преображением кроме омонимической.

Заключение

Хотя ни один из известных текстов митрополита Платона не позволяет в полной мере судить об идейной программе Вифанской обители, которая в том или ином виде существовала в начале 1780-х годов и должна была быть изложена архитектору перед началом строительства, тем не менее, будучи проанализированы все вместе, эти сочинения значительно проясняют наше представление о тех богословских идеях, которые занимали митрополита, и в целом демонстрируют образ

мыслей Платона на протяжении двух десятилетий существования монастыря в их развитии.

Две проповеди первой половины 1780-х годов сохранили уникальные богословские нарративы митрополита Платона о евангельской Вифании и горе Фавор. Эти тексты дополняют и верифицируют историю основания Вифании в «Автобиографии» Платона. Герменевтика проповедей иерарха помогает составить представление о том значении, какое эти палестинские святыни имели для иерарха накануне осуществления собственного замысла: Платон актуализирует их на мирской лад, «освящая» тем самым такие понятные мирянам вещи, как уединение в дружеском кругу и социальное возвышение или падение — так, что будущая исследовательская стратегия сравнения подмосковной Вифании с усадебным эрмитажем эпохи Просвещения оказывается вполне оправдана.

Если свести воедино сведения, извлеченные из рассмотренных выше текстов, то реконструировать историю замысла Вифании можно следующим образом. В 1783 году личная резиденция митрополита была целиком посвящена Вифании как евангельскому образцу частной жизни. Имитация горы в восточной части представляла скальную гробницу Лазаря еще в 1785 году. Несмотря на то что братское кладбище явилось побочным продуктом замысла обители, оно органично сочеталось с центральной темой, выразив идею покоя и уединения вдали от происков недоброжелателей в ожидании будущей смерти и Воскрешения (*Vanitas*). Так, в 1786 году внутрь Лазаревского придела перенесли одну из реликвий Троице-Сергиевой лавры — деревянный гроб преподобного Сергия, а позднее Платон приготовил здесь место своего будущего погребения. В 1785 или в 1786 году имитация скалы с уже освященным в честь святого Лазаря Четверодневного престолом переосмысливается как «Фавор» в знак упования будущей славы и торжества — образа, над которым Платон размышлял до основания Вифании в начале 1780-х годов.

Однако, помимо вспомогательной роли текста, проблема проповеди как источника открыла совершенно иную перспективу изучения интерьера собора подмосковной Вифании — как произведения религиозно-перформативного искусства, ансамбля архитектуры и риторики.

Воспринимать проповеди и речи Платона исключительно в качестве очередного письменного источника, характеризующего его взгляды, — значит отказаться от важной части замысла вифанского собора. Проповеди, произнесенные в виду «Фавора», уже в вифанский период жизни Платона, становились продолжением основанной им обители как синтетического произведения, а архитектура, в свою очередь, раскрывалась в роли зримого и осязаемого комментария пастырского слова.

Список литературы:

- 1 *Аполлос*. Речь благодарственная Святейшаго правительствующаго синода члену, великому господину, высокопреосвященнейшему Платону. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784. 4 с.
- 2 *Башкирова М.А.* Вифания митрополита Платона в зеркале русского романтизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. Вып. 12. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 328–341. <https://doi.org/10.18688/aa2212-04-24>.
- 3 *Беляев А.А.* Хозяйственная деятельность митрополита Платона. М.: Типография Московского университета, 1899. 16 с.
- 4 *Бенуа А.Н.* Выставка, посвященная времени императрицы Елизаветы Петровны. СПб.: тип. «Сириус», 1912. 28 с.
- 5 Екатерина II, Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин; отв. ред. С.Г. Десятков. М.: Наука, 1997. 989 с.
- 6 *Злочевский Г.Д.* Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). М.: Санта-Оптим, 2002. 56 с.
- 7 *Кагарлицкий Ю.В.* Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сборник статей / Отв. ред. А.М. Молдован, В.С. Голышенко. Т. 2001. М.: Древлехранилище, 2002. С. 243–259.
- 8 *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания Ф.П. Лубяновского // Русский архив: Историко-литературный сборник. Вып. 3. М.: Тип. Грачева и Ко, 1872. С. 450–533.
- 9 *Миранда Ф., де.* Путешествие по Российской империи. М.: Наука/Интерпериодика, 2001. 362 с.
- 10 *Митрополит Платон (Левшин).* Автобиография Платона, митрополита Московского / Сост. прот. С.К. Смирнов. М.: Университетская типография (М. Катков), 1887. 86 с.
- 11 *Митрополит Платон (Левшин).* Речь Ее Императорскому Величеству за милостивейшее посещение Троицкой семинарии // *Митрополит Платон (Левшин).* Сочинения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010. С. 7–8.
- 12 *Митрополит Платон (Левшин).* Слово на день Преображения Господня. Говорено в Новоспасском монастыре, 1781 года Августа 6 дня // *Митрополит Платон (Левшин).* Поучительные слова и другие сочинения, от Московской Академии выпечатанные. Т. 10. М.: Сенатская типография Ф. Гиппиуса, 1782. С. 187–194.
- 13 *Митрополит Платон (Левшин).* Слово на освящение храма. Говорено в селе Петровском, Княжицове тож, принадлежащем господину Никите Иакинфиевичу Демидову, 1785 года сентября 15 дня на освящение церкви благолепныя // Поучительныя слова святейшаго правительствующаго Синода членом, преосвященнейшим Платоном, архиепископом Московским и Калужским, и Свято-Троицкия Сергиевы лавры священно-архимандритом проповеданные. Т. 12. М.: В Типографии Компании Типографической, 1786. С. 343–352.
- 14 *Митрополит Платон (Левшин).* Слово на Преображение Господне. Вифания, 1793 года, августа 6 дня // Поучительныя слова преосвященнейшим Платоном, митрополитом Московским и Калужским и Свято-Троицкия Сергиевы лавры священно-архимандритом, проповеданные в разных местах. Т. 16. М.: В Университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. С. 298–307.
- 15 *Митрополит Платон (Левшин).* Слово на Преображение Господне. Вифания, 1803 года, августа 6 дня // Поучительныя слова, в разных местах проповеданная преосвященным Платоном, митрополитом Московским. Т. 20. М.: Сенат. тип., 1806. С. 61–69.
- 16 *Митрополит Филарет (Дроздов).* Письма высокопреосвященного Филарета Московского к Екатерине Владимировне Новосильцевой. М.: Русская печатня, 1911. 246 с.
- 17 *Надеждин Н.И.* Вифания // Энциклопедический лексикон. Т. 10. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1837. С. 516–519.
- 18 *Неофит, иер.* Таиниче Божий // Речи, говоренныя Его Высокопреосвященству, Митрополиту Платону, в Вифании. М.: в Университетской типографии, 1810. 6 с.
- 19 *Панофский Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999. 393 с.
- 20 *Путятин И.Е.* Образ русского храма и эпоха Просвещения: к 250-летию Акад. художеств. М.: Гнозис, 2009. 416 с.
- 21 *Путятин И.Е.* Представления об идеальном образе храма митрополита Московского Платона (Левшина) и пустынь в Вифании в конце XVIII века // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3: Желанное и действительное. М.: НИИТАГ, УРСС, 2001. С. 152–161.
- 22 *Свириин А.Н.* Сергиевский историко-художественный музей // Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 5. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 75–81.
- 23 *Смирнов С.К.* Спасо-Вифанский монастырь. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1889. 116 с.
- 24 *Филимонов К.А.* К начальной истории Спасо-Вифанского монастыря (1783–1797) // Платоновские чтения: Сборник материалов. Вып. 8. М.: Перервинская духовная семинария, 2011. С. 41–47.
- 25 *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М.: Индрик, 2009. 366 с.
- 26 *Яковлев А.Н.* Ротондальные храмы России XVIII – первой четверти XIX века: формирование и распространение устойчивых архитектурных типов: Дис. ... канд. иск.: 17.00.04. М., 2022. 546 с.
- 27 *Яковлев А.Н.* Церковь в подмосковном Быкове: иконография и прототипы // Архитектурное наследство. Вып. 64. М.; СПб.: Изд. дом «Коло», 2016. С. 120–136.
- 28 *Dashkova E.R.* Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of All the Russians. London: H. Colburn Publ., 1840. 459 p.

References:

- 1 Apollon. *Rech' blagodarstvennaya Svyateishago pravitel'stvuyushchago sinoda chlenu, velikomu gospodinu, vysokopreosvyashchennishemu Platonu* [The Thankful Speech to the Holy Synod's Member, Great Lord, His Eminence Platon]. Moscow, Univ. Tip. N. Novikova Publ., 1784. 4 p. (In Russian)
- 2 Bashkirova M.A. Vifaniya mitropolita Platona v zerkale russkogo romantizma [Metropolitan Platon's Vifaniya as Reflected in Russian Romanticism]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sb. nauch. statei* [Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles], ed. A.V. Zaharova, S.V. Malceva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova. Issue 12. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2022, pp. 328–341. <https://doi.org/10.18688/aa2212-04-24>. (In Russian)
- 3 Belyaev A.A. *Khozyaistvennaya deyatel'nost' mitropolita Platona* [The Economic Activity of Metropolitan Platon]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo Universiteta Publ., 1899. 16 p. (In Russian)
- 4 Benua A.N. *Vystavka, posvyashchennaya vremeni imperatritsy Elizavety Petrovny* [The Exhibition Dedicated to the Age of Empress Elizaveta Petrovna]. St. Petersburg, Tip. "Sirius" Publ., 1912. 28 p. (In Russian)
- 5 *Ekaterina II, G.A. Potemkin: Lichnaya perepiska, 1769–1791* [Catherine II, G.A. Potemkin: The Private Correspondence, 1769–1791], comp. V.S. Lopatin; ed. S.G. Desyatskov. Moscow, Nauka Publ., 1997. 989 p. (In Russian)
- 6 Zlochevskii G.D. *Obshchestvo izucheniya russkoi usad'by (1922–1930)* [The Society for Russian Estate Research (1922–1930)]. Moscow, Santa-Optima Publ., 2002. 56 p. (In Russian)
- 7 Kagarlitskii Yu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnosti i intellektual'noi kul'tury XVIII v. [Sermon as a Source on the History of Russian Literature and Intellectual Culture of the 18th Century]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka: Sbornik statei* [The Linguistic Source Studying and History of Russian Language: Collection of Articles], ed. A.M. Moldovan, V.S. Golyshenko. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2000. pp. 243–259. (In Russian)
- 8 Lubyanskiy F.P. *Vospominaniya F.P. Lubyanovskogo* [The Memoires of F.P. Lubyanovsky]. *Russkii arkhiv: Istoriko-literaturnyi sbornik* [The Russian Archive: History & Literature Collection]. Issue 13. Moscow, Tip. Gracheva i Ko Publ., 1872, pp. 450–533. (In Russian)
- 9 Miranda F., de. *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii* [The Voyage through the Russian Empire]. Moscow, Nauka/Interperiodika Publ., 2001. 362 p. (In Russian)
- 10 Mitropolit Platon (Levshin). *Avtobiografiya Platona, mitropolita Moskovskogo* [The Autobiography of Platon, Metropolitan of Moscow], ed. S.K. Smirnov. Moscow, Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ., 1887. 86 p. (In Russian)
- 11 Mitropolit Platon (Levshin). *Rech' Ee Imperatorskomu Velichestvu za milostiveishee poseshchenie Troitskoi seminarii* [The Speech in Honor of Her Majesty for the Most Gracious Visit to the Trinity Seminary]. Mitropolit Platon (Levshin). *Sochineniya* [The Writings]. Vol. 1. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra Publ., 2010, pp. 7–8. (In Russian)
- 12 Mitropolit Platon (Levshin). Slovo na den' Preobrazheniya Gospodnya. Govoreno v Novospasskom monastyre, 1781 goda avgusta 6 dnya [The Sermon for Transfiguration, Preached in Novospasskii Monastery on 1781, August 6th]. Mitropolit Platon (Levshin). *Pouchitel'nye slova i drugie sochineniya, ot Moskovskoi Akademii vypechatannye* [The Sermons and Other Writings Printed in Moscow Academy]. Vol. 10. Moscow, Senatskaya tipografiya F. Gippiusa Publ., 1782, pp. 187–194. (In Russian)
- 13 Mitropolit Platon (Levshin). Slovo na osvyashchenie khrama. Govoreno v sele Petrovskom, Knyazhishchovo tozh, prinadlezhashchem gospodinu Nikite lakinfievidu Demidovu, 1785 goda sentyabrya 15 dnya na osvyashchenie tser'kvi blagolepnaya [The Sermon for the Consecration of the Church. Preached in Petrovskoe Village (aka Knyazhishchovo) Belonging to Sir Nikita lakinfievid Demidoff, on 1785, September 15 in for Consecration of the Church]. *Pouchitel'nyya slova svyateishago pravitel'stvuyushchago Sinoda chlenom, preosvyashchennymshim Platonom, arkhiepiskopom Moskovskim i Kaluzhskim, i Svyato-Troitskiya Sergievy lavry svyashchenno-arkhimandritom propovedannye* [The Sermons Preached by the Holy Governing Synod' Member, His Eminence Platon, Archbishop of Moscow and Kaluga, and the Holy Trinity Sergius Lavra Holy Archimandrite]. Vol. 12. Moscow, Tipografii Kompanii Tipograficheskoi Publ., 1786, pp. 343–352. (In Russian)
- 14 Mitropolit Platon (Levshin). Slovo na Preobrazhenie Gospodne. Vifaniya, 1793 goda, avgusta 6 dnya [The Sermon for Transfiguration. Vifaniya, on 1793, August 6th]. *Pouchitel'nyya slova preosvyashchennymshim Platonom, mitropolitom Moskovskim i Kaluzhskim i Svyato-Troitskiya Sergievy lavry svyashchenno-arkhimandritom, propovedannye v raznykh mestakh* [The Sermons Preached by His Eminence Platon, Archbishop of Moscow and Kaluga and the Trinity Lavra of St. Sergius' Holy Archimandrite in Different Places]. Vol. 16. Moscow, V Universitetskoi tipografii, u Hr. Ridigera i Hr. Klaudivija Publ., 1797, pp. 298–307. (In Russian)
- 15 Mitropolit Platon (Levshin). Slovo na Preobrazhenie Gospodne. Vifaniya, 1803 goda, avgusta 6 dnya [The Sermon for Transfiguration. Vifaniya, on 1803, August 6th]. *Pouchitel'nyya slova, v raznykh mestakh propovedannaya preosvyashchennym Platonom, mitropolitom Moskovskim* [The Sermons Preached by His Eminence Platon, Archbishop of Moscow in Different Places]. Vol. 20. Moscow, Senat. Tip. Publ., 1806, pp. 61–69. (In Russian)
- 16 Mitropolit Filaret (Drozdov). *Pis'ma vysokopreosvyashchennogo Filareta Moskovskogo k Ekaterine Vladimirovne Novosil'tsevoi* [The Letters by His Eminence Filaret of Moscow to Catherine V. Novosiltsev]. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1911. 246 p. (In Russian)
- 17 Nadezhdin N.I. Vifaniya [The Bethany (Vifaniya) Monastery]. *Entsiklopedicheskii leksikon* [The Encyclopedic Lexicon]. Vol. 10. St. Petersburg, Tip. A. Plyushara Publ., 1837, pp. 516–519. (In Russian)
- 18 Neofit, ier. Tainiche Bozhii [The Mystery of God]. *Rechi, govorennyya Ego Vysokopreosvyashchenstvu, Mitropolitu Platonu, v Vifanii* [The Lord's Mysterious Servant. The Speeches Uttered in Honor His Eminence Metropolitan Platon]. Moscow, v Universitetskoi tipografii Publ., 1810. 6 p. (In Russian)
- 19 Panofsky E. *Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva* [The Meaning and Interpretation of Fine Art]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 393 p. (In Russian)
- 20 Putyatin I.E. *Obraz russkogo khrama i epokha Prosveshcheniya: k 250-letiyu Akad. Khudozhestv* [The Image of Russian Temple and the Epoch of Enlightenment: For 250th Anniversary of the Academy of Art]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 416 p. (In Russian)
- 21 Putyatin I.E. Predstavleniya ob ideal'nom obraze khrama mitropolita Moskovskogo Platona (Levshina) i pustyn' v Vifanii v kontse XVIII veka [Ideas about the Ideal Image of the Temple of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow and the Monastery in Bethany at the End of the 18th Century]. *Arkhitektura v istorii russkoi kul'tury. Vyp. 3: Zhelaemoe i deistvitel'noe* [Architecture in the History of Russian Culture. Issue 3: The Wishful and Actual]. Moscow, NIITAG, URSS Publ., 2001, pp. 152–161. (In Russian)
- 22 Svirin A.N. *Sergievskaia istoriko-khudozhestvennyi muzei* [Sergius's Museum of History and Art]. *Podmoskovnye muzei: Putevoditeli* [Moscow Region Museums: The Guidebook], ed. Iv. Lazarevsky, V. Zgura. Issue 5. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925, pp. 75–81. (In Russian)
- 23 Smirnov S.K. *Spaso-Vifanskii monastyr'* [The Christ-Bethany (Vifaniya) Monastery]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova 1889. 116 p. (In Russian)

- 24 Filimonov K.A. K nachal'noi istorii Spaso-Vifanskogo monastyrya (1783–1797) [To the Initial History of the Bethany (Vifaniia) Monastery (1783–1797)]. *Platonovskie chteniya: Sbornik materialov* [The Platon Metropolitan' Conference: Collection of Materials], Issue 8. Moscow, Perervinskaya dukhovnaya seminariya, 2011, pp. 41–47. (In Russian)
- 25 Shevyrev S.P. *Poezdka v Kirillo-Belozerskii monastyr'*. *Vakatsionnye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu* [The Trip to the Kirillo-Beloozero Monastery. The Vacation of Professor S. Shevyrev in 1847]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 366 p. (In Russian)
- 26 Yakovlev A.N. *Rotondal'nye khramy Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX veka: formirovanie i rasprostranenie ustoichivyykh arkhitekturnykh tipov* [Rotunda Temples in Russia in the 18th – the First Quarter of the 19th Century: Forming and Widespreading of Solid Architectural Type]. Dissertation ... kand. iskusstv.: 17.00.04. Moscow, 2022. 546 p. (In Russian)
- 27 Yakovlev A.N. Tserkov' v podmoskovnom Bykove: ikonografiya i prototipy [The Church in Bykovo near Moscow: Iconography and Prototypes]. *Arkhiturnoe nasledstvo* [The Architectural Heritage]. Issue 64. Moscow, St. Petersburg, Izd. Dom "Kolo", 2016, pp. 120–136. (In Russian)
- 28 Dashkova E.R. *Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of All the Russians*. London, H. Colburn Publ., 1840. 459 p. (In English)